

УДК: 316

DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-43-57

Гражданское общество в региональном контексте

А. Н. Гадиева^{1, 2*}, И. С. Вершинин³

¹Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия

²Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, филиал Владикавказского научного центра РАН, Владикавказ, Россия

³Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

*izmir-alana@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления устойчивого гражданского общества в Северо-Кавказском регионе. Целью работы является обоснование целесообразности участия органов государственной власти в процессе развития гражданского общества. В статье исследуется взаимодействие государства и институтов гражданского общества в условиях новых социально-политических реалий. Приводятся аргументы необходимости создания государственными органами условий для развития гражданского общества. Для написания статьи были использованы следующие методы: документальный и статистический анализ, контент-анализ средств массовой информации, экспертный опрос. Результаты экспертного опроса и анализ теоретического материала подтверждают гипотезу о том, что государство в качестве субъекта играет существенную роль в процессе развития гражданского общества, создавая условия для его эффективного функционирования, разрабатывая законодательную базу для защиты социальных институтов от посягательства самого государства на основы демократии. В статье делается вывод о том, что процесс формирования стабильного гражданского общества должен быть обоюдным: государство дает возможности и охраняет, общество осознает ответственность и может консолидироваться для решения насущных проблем, не боясь репрессий со стороны государства. Статья содержит рекомендации по выработке мер для эффективного функционирования элементов гражданского общества, способствующих созданию благоприятной общественной среды. Подобные исследования дают возможность прогнозировать и разрабатывать новые оптимальные сюжеты общественного развития в стране в целом и в регионах в частности.

Ключевые слова: гражданское общество, консолидация, солидарность, некоммерческая организация, протестные акции

Для цитирования: Гадиева, А. Н. Гражданское общество в региональном контексте / А. Н. Гадиева, И. С. Вершинин. – DOI 10.31660/1993-1824-2023-4-43-57 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2023. – № 4. – С. 43–57.

Civil society in the regional context

Aneta N. Gadieva^{1, 2*}, Ivan S. Vershinin³

¹Institute of Socio-Political Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²V. I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies, a branch of Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, Russia

³Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

*izmir-alana@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation of sustainable civil society in the North Caucasus region. The aim of the study is to validate the importance of public authorities participating in the development of civil society. The article examines the interaction between the state and civil society institutions in the

context of new socio-political circumstances. The article argues that state authorities should create favorable conditions for the progress of civil society. The article was written using documentary and statistical analysis, content analysis of the media, and an expert survey. The analysis of theoretical material and expert surveys confirm the hypothesis that the state has a vital function in the development of civil society. It creates conditions for the effective operation of social institutions, developing a legislative framework for the protection of social institutions from the encroachment of the state itself on the foundations of democracy. That is, the development of a stable civil society requires mutual effort: the state must provide opportunities and ensure protection, while society must be aware of its responsibilities and unite to tackle pressing issues without fear of repression by the state.

The article proposes measures to enhance the effective functioning of civil society elements that aid in creating favorable public environment. Such studies make it possible to predict and develop new optimal scenarios for social development in the country as a whole and in the regions in particular.

Keywords: civil society, consolidation, solidarity, non-profit organization, protest actions

For citation: Gadieva, A. N., & Vershinin, I. S. (2023). Civil society in the regional context. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (4), pp. 43-57. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-43-57

Введение

Смена социально-политической системы на постсоветском пространстве и заявления инициаторов и архитекторов общественных трансформаций в конце 80-х — начале 90-х годов XX века предполагали создание условий для становления гражданского общества и построения новых социальных конструкций, основанных на ценностях демократии и права. Политическая перестройка России 90-х при всей ее противоречивости все же задала некий общий вектор демократического развития государства: была принята новая конституция, сформированы демократические институты, произошла интеграция в общемировые процессы. В сложившемся политическом контексте выстраивание новой вертикали власти должно было идти параллельно и синхронно созданию прочных горизонтальных связей. Только при таких условиях возможно было создать демократическую государственную конструкцию, устойчивую к различным политическим трансформациям. Между тем созданные в стране демократические институты не всегда отвечают тем ожиданиям и чаяниям, которые изначально с ними связывали [1]. Осознавая экзистенциальную угрозу, связанную с невозможностью реализации населением своих формально оформленных прав, власть периодически предпринимает шаги по созданию каналов выхода гражданской активности в виде некоммерческих организаций, региональных общественных палат, общественных советов при различных ведомствах. Практика развития элементов гражданского общества «сверху» демонстрирует неготовность самого общества к проявлению гражданских инициатив при наличии одновременно латентного запроса на демократические преобразования. Наметившиеся тенденции могут привести к дефициту легитимности власти, спровоцировать разочарование масс, создать условия для реконверсии авторитарного режима [2]. Такой сценарий развития социально-политических процессов в стране либо сводит на нет завоевания перестройки, либо признает однозначную неэффективность и даже ошибочность (такого мнения придерживается сегодня значительная часть общества) ее задумки и осуществления.

Основная гипотеза, выдвинутая в статье, заключается в том, что наличие стабильного гражданского общества в России в целом и в регионах в частности во многом зависит

от условий, создаваемых государственными органами, и возможностей, предоставляемых ими для развития горизонтальных связей и гражданского взаимодействия. Целью данного исследования является научное и эмпирическое обоснование целесообразности участия органов государственной власти в процессе развития гражданского общества.

Материалы и методы

Многозначность понятия «гражданское общество» делает его весьма сложным объектом исследования. Гражданское общество принадлежит к числу дефиниций, которые имеют как теоретическое, так и практическое значение. Такого рода понятия нелегко определить, а их применение означает не только известную зону неопределенности, но и различия их толкования [1]. Но основное содержание термина «гражданское общество» все-таки включает сферу самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, которые ограждены соответствующими законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти. Также этот термин используют для определения степени эволюции цивилизованного общества. В этом смысле гражданское общество — это то, которое гарантирует бесспорное выполнение прав и свобод гражданина, а взамен требует исполнения обязанностей по отношению к нему. Гражданское общество предполагает наличие развитых горизонтальных связей, функционирование социальных институтов в виде некоммерческих организаций (НКО), общественных советов, совершение социальных действий типа «социальная ответственность», «солидарность», «доверие», «гражданская активность и участие».

Теоретической базой представленной статьи являются публикации зарубежных и отечественных авторов. Следует отметить работу М. М. Ховарда «Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе», где он на примере России и Восточной Германии исследует причины, повлиявшие на отставание стран посткоммунистического блока в становлении и развитии гражданского общества на фоне демократических государств [3]. В. В. Витюк в своем труде «Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция» рассмотрел разнообразие нынешних подходов к понятию гражданского общества и теоретических представлений о нем в научной среде и в массовом сознании [4]. Ю. М. Резник в своем исследовании «Гражданское общество как феномен цивилизации» заявляет, что для формирования гражданского общества необходимо выявить формы и мотивацию гражданской активности и изучить систему ценностей [5]. А. И. Соловьев в своей работе «Три облика государства — три стратегии гражданского общества» утверждает, что взаимоотношения государства и гражданского общества являются наиболее серьезными факторами развития социального организма в целом, и «понимание всего комплекса отношений этих контрагентов одновременно означает обнаружение возможностей трансформации общественной системы, ее способностей к самообновлению и развитию» [6]. А. Г. Володин в труде «Гражданское общество и модернизация в России», исследуя в исторической перспективе процесс становления в России гражданского общества, уделяет внимание тому существенному влиянию, какое оказывал и продолжает оказывать на него «догоняющий» характера российской модернизации [7].

По характеру и содержанию эти исследования не являются однозначными в оценках возможности/невозможности становления в нашей стране зрелого гражданского общества. В отечественной политической науке эта проблема остается открытой, дискуссионной, спорной. Однако по некоторым позициям исследователи проблем становления и развития гражданского общества сходятся во мнении. Одна из позиций касается того, что гражданское общество, его национальные модели и институты следует рассматривать в контексте политического пространства, которое носит конкретно-исторический и дискретный характер. К сожалению, в современной социолого-политической науке сохраняется разрыв между теоретико-методологическими исследованиями гражданского общества и эмпирическим анализом его современных политических институтов и практик функционирования. Эмпирическое исследование, представленное в данной статье, дает возможность в некоторой степени сократить данный разрыв.

Для написания статьи были использованы следующие методы: документальный и статистический анализы, контент-анализ средств массовой информации (СМИ). Основным методом исследования являлся экспертный опрос, проведенный по специально разработанному гайду. Для анализа проблемы развития гражданского общества Центром исследования приграничных регионов юга России Института социально-политических исследований Российской академии наук (ИСПИ РАН) совместно с отделом социально-политических исследований Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (СОИГСИ) в апреле–мае 2023 года был проведен экспертный опрос. В качестве экспертов выступили научные сотрудники, депутаты парламента, журналисты, блогеры, общественные активисты, госслужащие — всего 15 человек. Результаты эмпирического исследования подтверждают теоретический анализ проблемы.

Результаты и обсуждение

Само определение Российской Федерации как правового, демократического государства предполагает наличие в нем гражданского общества. Архитекторы «перестройки» в СССР запустили процесс смены политического режима в стране и заявили о необходимости построения нового типа государства с демократической формой правления, частной собственностью и развитой системой гражданских прав и свобод. На протяжении последних 30 лет исследователи социальных процессов в стране пытаются определить, есть ли у нас гражданское общество, и если да, то в каком оно состоянии. События последних трех лет (COVID-19, специальная военная операция) внесли свои коррективы в политический сюжет не только России, но и всего мира. В свете нынешней ситуации, когда либерализм в нашей стране воспринимается как часть западной культуры, как некий антагонист по отношению к российским ценностям, проект «гражданское общество» теряет былую актуальность.

Однако у значительной части российского социума есть устойчивый запрос на гражданские ценности в виде права на свободу слова, печати, инакомыслие. Без развитых институтов гражданского взаимодействия сложно осуществлять свои задачи и самому государству. Поэтому научному сообществу необходимо вырабатывать новые,

созвучные с современными реалиями теории общественного развития, где через коллективное действие достигается индивидуальное благополучие и осознается ценность человеческой жизни. Таким и представляется развитое гражданское общество.

Северный Кавказ как часть Российской Федерации (РФ) развивается в том же правовом поле и использует те же стратегии развития, что и все остальные регионы России. Однако, обладая своеобразным этническим, религиозным, культурным колоритом, многие процессы, происходящие в регионе, имеют особую специфику, которая содержит в себе некую непредсказуемость. Несмотря на то, что в региональном сообществе элементы гражданского общества в виде развитых горизонтальных связей заложены исторически и имеют глубокие корни, традиционализм и исламский фактор оказывают значительное влияние на ценностные установки населения Северо-Кавказского региона и в некоторых случаях вступают в противоречие с ценностями и требованиями гражданского общества. Безусловно, наличие сильных и реально действующих институтов гражданского общества способствовало бы снижению социальных рисков в регионе, создавало бы возможность для позитивных сценариев развития. Элементами стабильного гражданского общества могут являться различные социальные и политические институты, отстаивающие права человека, помогающие людям ощущать свою защищенность.

Государство в лице своих институтов инициирует создание элементов и механизмов функционирования гражданского общества. При создании условий для развития гражданского общества у государства возникает большой соблазн систематического контроля и регулирования. У гражданских активистов есть основания опасаться такого нежелательного сценария, тем более государственные органы часто подают для этого повод.

Между тем важной составляющей гражданского общества, в которой реализуется его потенциал, принято считать относительно устойчивые ячейки предпринимательской самоорганизации. Одним из видов подобных образований являются некоммерческие организации (НКО). Создание некоммерческого сектора инициировалось государством и регулируется Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [8]. Создание так называемого «третьего сектора» связано, во-первых, с желанием государства облегчить для себя решение задач социально-экономического характера, то есть закрыть те лакуны в социальной сфере, которые предполагают наличие широкой вовлеченности человеческого капитала. А во-вторых, с желанием под патронажем и контролем государства создавать условия для реализации их социальных инициатив и направить их энергию в предсказуемое русло.

Формирование «третьего сектора» в регионе, как и во всей стране, идет с начала 1990-х гг., но развивался процесс неравномерно. До начала 2000-х гг. процесс регистрации НКО в субъектах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) проходил неактивно. Подобная тенденция, скорее всего, была связана с отсутствием понимания задачи и опыта гражданской самоорганизации, неготовностью общества к освоению новых либерально-демократических правил и использованию их возможностей, глубоким экономическим спадом, поставившим значительную часть населения на грань выживания, перегруженностью региональной повестки дня конфликтными этнополитическими коллизиями. На начальном этапе некоммерческий сектор в СКФО в большей

степени брал на себя роль защитника прав человека, тем самым претендовал на политическую повестку, а в конечном итоге дошел до всевозможных волонтерских проектов социального характера.

Региональные особенности развития некоммерческого сектора в современной России целиком зависят от нескольких факторов, оказывающих воздействие на его реальную эффективность. Основными факторами можно обозначить, во-первых, уровень экономического развития региона и наличие на его территории градообразующих предприятий, не только осуществляющих производственную деятельность, но и оказывающих поддержку социальным инициативам. Во-вторых, степень поддержки региональными властями структур некоммерческого сектора и наличие между ними конструктивного диалога. Конечно, можно отметить и другие факторы, оказывающие влияние на активность НКО (например, получение ими грантов, в том числе зарубежных), но они, как правило, носят ситуативный характер. Вместе с тем даже в дотационных регионах, ярким примером которых являются субъекты СКФО, некоммерческий сектор при определенных условиях способен объединять население для различных социальных проектов [9].

Основной рост НКО произошел с 2002 по 2014 годы, и объясняется это теми новыми возможностями, которые обещал процесс стабилизации в стране через укрепление «вертикали власти», без отказа от либеральных принципов организации общественной жизни. Этот период характеризовался экономической стабильностью и восстановлением социальных функций государства, позволяющих гражданам обратиться к удовлетворению потребностей, выходящих за рамки простого поддержания своего существования. Правящая политическая элита осуществляла практику поддержки и мобилизации общественных объединений как вспомогательного средства решения социальных проблем и расширения собственной социальной базы. Был упрощен процесс регистрации НКО, и детальная юридическая регламентация сферы НКО превратила их создание и деятельность из маленького гражданского «подвига» в формальную бюрократическую процедуру. Расширялась практика грантовой системы финансирования НКО.

Однако уже с 2014 года процесс образования новых организаций замедлился, и в последнее десятилетие регистрацию в год в отдельном регионе проходят порядка 10–15 НКО, при этом параллельно идет процесс закрытия старых неработающих организаций. По итогам 2019 года количество зарегистрированных в России некоммерческих организаций сократилось на 4,5 % [10].

Между тем одним из показателей развитого гражданского общества является количественное и качественное состояние сети некоммерческих организаций. По данным федеральных и региональных органов власти, в стране на 2023 год зарегистрировано около 210 тыс. некоммерческих организаций [11]. Для выявления уровня самоорганизации граждан и развития институтов гражданского общества используют методику определения количества НКО на 1 000 человек. Так, в Республике Дагестан всего зарегистрировано 1 826 организаций, 735 из них — религиозные объединения [12]. По состоянию на 2018 год в Кабардино-Балкарской Республике насчитывалось 907 некоммерческих организаций [13]. В Республике Северная Осетия — Алания зарегистрировано 895 организаций, 111 из них — религиозные объединения [14]. Действующими, то есть сдающими ненулевую отчетность в Министерство юстиции Российской Феде-

рации, на территории Карачаево-Черкесской Республики признаны 91 НКО. По количеству НКО на 1 тыс. жителей СКФО имеет показатель ниже среднего значения по РФ — 1,01 [15], кроме Северной Осетии (1,1 на 1 тыс. жителей). При этом в структуре некоммерческого сектора в субъектах, основной религией в которых является ислам, религиозные организации занимают треть из числа всех организаций. Анализ статистических данных демонстрирует низкий уровень развития «третьего сектора» в СКФО по сравнению с другими регионами России. Данный факт объясняется не только слабой гражданской активностью населения региона, но и низким уровнем экономического благосостояния народа, предпринимательской деятельности.

На отсутствие желания работать в «третьем секторе» в регионе влияет и общее состояние в стране, низкая мотивация заниматься общественной деятельностью, разочарование в роли и возможностях НКО, сложная работа с российскими грантами и свертывание работы с зарубежными грантами, неоднозначность и проблемы, связанные с правозащитной деятельностью. Один из экспертов охарактеризовал состояние «третьего сектора» следующим образом: *«В России, особенно в последнее время, главная проблема “третьего сектора” в том, что ты должен быть либо максимально лояльным к действующей власти, либо тебе не дадут возможности заниматься общественной деятельностью. Успешно работать могут либо крайне аполитичные организации, и то, им тоже желательно сохранять лояльность, либо те, которые однозначно при каких-то властных институтах, недалеко от них. Что касается Северной Осетии, то у нас более-менее успешно работают один, два благотворительных фонда»* (жен., 33 года, помощник депутата).

Система грантов не стала тем механизмом, который бы активизировал деятельность существующих НКО и мотивировал создание новых, потому что, во-первых, работа с грантами предполагает определенную подготовку, а, во-вторых, не всегда система распределения грантов бывает объективной и прозрачной. НКО, неоднократно подававшие свои проекты на конкурсы и не получившие поддержки, как правило, разочаровываются и снижают активность. Известно, что в регионах распространенной является практика аффилированных НКО, создаваемых заинтересованными лицами под определенные ведомства. Попасть в орбиту чьих-то интересов не для всех представляется допустимой практикой. В системе президентских грантов тоже есть свои предпочтения, и Северо-Кавказскому региону отводится роль не очень значимого актора. В силу данных обстоятельств незначительное количество НКО проявляют желание работать с грантами, в то же время находить другие источники финансирования для своих инициатив, не имея навыков работы по краудфандингу, бывает проблематично.

Результаты исследований показывают, что активизировать «третий сектор» следует прежде всего на муниципальном уровне, который дает возможность общественным организациям проявить себя в полной мере. Именно гражданские активисты лучше всех знают проблемные зоны в социальной сфере на местах. Они могут выстроить свою деятельность в соответствии с потребностями данной территории. Однако таких НКО незначительное количество. Для того чтобы эффективно реагировать на существующую проблему и оказывать посильную помощь в ее разрешении, нужно уметь озвучить проблему и привлечь к ней не только внимание, но и ресурсы тех структур,

которые способны оказать содействие в кризисной ситуации. Для этого необходима сеть муниципальных некоммерческих организаций. Этот вывод подтвердили все эксперты. Мнение одного из них передает общий посыл: *«Пока “третий сектор” не внедрится глубоко в структуру местных сообществ, ощутимых результатов от его деятельности не будет. Иначе НКО будут находиться в позиции формального существования и не смогут оказывать существенное влияние ни на экономическую, ни на политическую, ни на социальную сферы жизнедеятельности общества»* (жен., 45 лет, член общественной палаты).

К сожалению, в региональном сообществе нет четкого понимания роли «третьего сектора» и каждой организации в отдельности. О равнодушии населения к «третьему сектору» говорит и тот факт, что узнаваемость НКО крайне низка и, как правило, в субъектах СКФО на слуху две–три общественные организации и не факт, что об их деятельности население осведомлено. В этом вина не только местных сообществ, но и самих НКО, и СМИ, которые слабо освещают деятельность «третьего сектора». Безусловно, есть и исключения. Так, о деятельности Северо-Осетинской региональной общественной организации Ассоциации жертв террористических актов «Матери Беслана» знают далеко за пределами республики. Организация на протяжении почти 20 лет последовательно отстаивает права потерпевших в результате теракта 1–3 сентября 2004 года в городе Беслане, используя в основном свой социальный капитал.

Гражданское общество предполагает прежде всего гражданскую активность людей в социальных процессах, требующих гражданского участия. В последние годы широкое распространение получило такое гражданское действие, как волонтерство. Особую активность в движении проявляет молодежь, демонстрируя такие качества, как альтруизм, чувство эмпатии, умение быть солидарными. Движение волонтерства началось с добровольного объединения людей для решения определенных задач социального характера, которые государственные органы не всегда могут охватить. Гражданские активисты в данном случае выступают помощниками государственных структур, не предъявляя никаких претензий власти, и не вступают с ней в конфронтацию. Такая гражданская активность властью одобряется и стимулируется. В результате волонтерство приобрело институциональный характер и официальную поддержку. Волонтерство действует, проявляя себя независимо от вида экстремальной ситуации, будь то пандемия, в период которой движение организовывало поддержку одиноким, малоимущим, многодетным; или коллапс на пропускном пункте Ларс, куда активисты привозили еду, медикаменты; либо специальная военная операция, для которой объявлялись сборы гуманитарной помощи.

В процессе исследования, с одной стороны, был подтвержден факт отсутствия общественной активности в политической сфере, а с другой — высокая социальная активность. Данный феномен подтверждают и эксперты, считающие, что общество характеризуется низкой политической активностью и, следовательно, не может оказывать никакого влияния на разные уровни управления. Эксперты отмечают, что у народа нет реальных социальных институтов и общественных организаций, которые могли бы конкурировать с государственными структурами. Поэтому, по их мнению, люди встраиваются в рамки государственного запроса на социальную активность. Эксперты счи-

тают, что в обществе нет и гражданских лидеров, которые учили бы людей защищать свои права и выражать свой протест в рамках закона.

Эксперты отмечают, что при нынешней ситуации люди могут влиять на разные уровни управления и политику в той степени, в какой власти нужно показать свою демократичность. *«У людей нет никаких реальных рычагов влияния ни на управление, ни на политику власти любого уровня. Народ влияет на политику в том объеме, в каком ему позволительно. Народ выполняет те решения и идет в том направлении, в котором его посылают»* (муж., 65 лет, преподаватель вуза).

Для любой социальной активности, а тем более коллективного действия необходима уверенность в ресурсах того или иного предприятия [16]. Исследования показали, что в низкоресурсных группах, к которым относится и население Северного Кавказа, потенциал солидарности и, соответственно, возможность коллективного действия оказывались существенно ниже, нежели в группах с высоким гражданским ресурсом. Их протест, если уж дело доходит до этого, — это протест эмоциональный, аффективный, запускаемый не еще большим ухудшением ситуации, а посягательством на константы, на слагаемые «стабильности», принимаемой не столько в качестве объективной данности, сколько в виде консервативной ценности и базового концепта обыденной картины мира. Когда уже нет смысла и возможности за них держаться и на них надеяться, когда надежды на стабильность сталкиваются с ее отсутствием де-факто, точнее, «с умышленным и полным ее разрушением», тогда и отсутствие ресурсов перестает быть сдерживающим фактором [17].

Примером таких разрушенных констант является ситуация в г. Беслане, сложившаяся после теракта в сентябре 2004 года, породившая аффективный протест, а затем — эмоциональную активность. Активность носила импульсивно-агрессивный характер, часто неуправляемый и по этой причине представляющий опасность как для гражданского мира в республике, так и для двусторонних межэтнических отношений. Протестная активность в г. Беслане сочеталась с конструктивной, вследствие которой жертвы трагедии смогли объединиться в общественные организации и целенаправленно защищать свои права. В настоящее время потерпевшие в результате теракта продолжают представлять собой социальную группу с высоким ресурсом гражданской активности [18].

В последние годы гражданская активность проявлялась в Северной Осетии и в связи с экологической безопасностью. Так, длительные протестные акции в 2019 году привели к закрытию завода «Электроцинк». Кроме этого, протестные акции и бурная полемика в социальных сетях не позволили начать строительство кремниевого завода в г. Беслане и цементного завода недалеко от г. Алагир. Приведенные примеры гражданской активности доказывают предположение о том, что, несмотря на низкоресурсность Северо-Кавказских групп, при экзистенциальной угрозе они способны проявлять солидарность и решать проблемы сообща.

В период начала пандемии COVID-19 в г. Владикавказе 20 апреля 2020 года произошла протестная акция. Триггером протеста послужил процесс самоизоляции. Северная Осетия является регионом, где большинство населения работает в теневом бизнесе с серыми зарплатами. По экспертным оценкам теневая занятость в Северной Осетии составляет около 50–70 % [19]. В результате самоизоляция лишила людей

средств к существованию, а страх перед голодом и неизвестностью стал более существенным, чем страх перед болезнью. И несмотря на репрессивный характер законодательства, высокая степень напряженности в обществе смогла подтолкнуть людей к незаконным действиям. Отсутствие адекватной социальной политики в период самоизоляции было одной из главных причин выхода людей на акцию протеста. Результатом несанкционированного митинга стало осуждение 32 человек, которые понесли наказание в виде лишения свободы на определенные сроки.

Проходили немногочисленные акции протеста и в г. Дагестане в сентябре 2022 года во время мобилизационной кампании, которая была объявлена руководством страны в связи со специальной военной операцией. Но они имели кратковременный и не массовый характер. Все эти представленные протестные сюжеты и их результаты являются свидетельством возможности отстаивания гражданами локальных вопросов, которые не затрагивают базовые интересы государства, и отсутствия рычагов и социальных ресурсов для отстаивания своих позиций, если затрагиваются значимые константы государственной системы.

Огромный потенциал для развития гражданской активности имеют социальные сети. Именно на виртуальных площадках в настоящее время происходят настоящие сражения и формируются сообщества с различными инициативами. Социальные сети могут быть как источником деструктивных процессов, так и каналами позитивных смыслов. Эксперты оценивают социальные сети и в целом Интернет как новую ступень в развитии человечества. По их мнению, Интернет ведет к формированию новых общественных отношений, формированию нового мира, общества нового качества: *«Интернет — это одна из площадок гражданского активизма, а блогеры — это основные двигатели гражданского активизма. И они колоссально влияют на массы, и государство эту войну проигрывает. Сейчас происходит удержание государством старого мира, который рушится. Старый мир — это когда информацию приносят тебе в папочках, которую знает только определенный круг лиц, а остальные ее не знают. Попытка усилить старый мир ведет к его быстрейшему разрушению»* (муж., 35 лет, блогер).

Эксперты, давая характеристику гражданскому обществу в регионе, считают, что его от общероссийского отличает наличие развитых горизонтальных связей: *«У нас специфика своих особых социальных связей, которые существенно отличают нас от жителей крупных городов России. Хороший пример — дело Цкаева (полицейские задержали его и применили силу по отношению к нему, после чего он скончался), его убили, после этого его родственники собрались, вышли на площадь и добились наказания виновных. Наше общество отличается наличием горизонтальных социальных связей, которые, к сожалению, уходят тоже в прошлое. Они нам позволяют в этом плане ощущать себя общностью. У нас есть не похожий на европейский или на российский опыт некий симбиоз. Ведь гражданское общество не только про политику, но и вопрос решения проблем в плане бытовых, которые решают сами люди. Вот в классических старых районах Владикавказа, где все друг друга знают, распространена практика скинуться, купить КамАЗ щебенки, чтобы на дороге не было ям. Это ведь тоже является формой гражданского общества. Благодаря этим существующим связям на базе традиционного общества, от которого мы сейчас уходим, мы можем решать какие-*

то насущные социальные проблемы. Но есть ощущение, что мы движемся к общероссийским практикам, потому что вот эти специфические, обусловленные традиционным обществом, гражданские связи, они становятся менее прочными. Соседское комьюнити — это тоже ячейка гражданского общества. Это характерно и для Америки. Соседские комьюнити — это действенные силы гражданского общества. У нас это пока есть, правда, на совсем других основаниях, и оно как будто теряется» (жен., 40 лет, руководитель общественной организации).

Результаты экспертного опроса и анализ теоретического материала подтверждают гипотезу о том, что гражданское общество в России в целом и в регионах в частности реализуется в основном через условия, создаваемые государственными органами, и возможности, предоставляемые ими для развития горизонтальных связей и гражданского взаимодействия.

Выводы

Таким образом, являясь частью РФ, Северный Кавказ обладает рядом специфических особенностей, которые необходимо учитывать при разработке социальных проектов, способствующих развитию гражданского общества в регионе.

1. По результатам экспертного опроса можно сделать вывод, что, несмотря на то что Северо-Кавказский социум можно отнести к низкоресурсным группам, проблемы внешней угрозы, межнационального конфликта либо реально нависшая угроза в виде природных катаклизмов, различных аварий, катастроф, террористических актов могут побудить жителей региона к активным общественным действиям.

2. Государство создает условия для расширения гражданских инициатив и их реализации через структуру некоммерческих организаций, являющихся значимым элементов гражданского общества. Их количество и качество должны быть достаточными для того, чтобы эффективно реагировать на решение существующей проблемы. Несмотря на отдельные положительные примеры, Северный Кавказ является тем регионом, где количество НКО значительно отстает от норм, которые необходимы для эффективной реакции на решение социальных задач.

3. Чем больше НКО будут функционировать на уровне муниципалитетов, тем больше вероятность роста гражданской активности и ответственности в целом в регионе.

4. Государство заинтересовано в развитии социально ориентированных некоммерческих организаций, так как через «третий сектор» оно перенаправляет вектор гражданской активности из сферы политического действия в социальную плоскость. Помимо развития сети НКО, государство инициирует создание и других гражданских институтов в виде общественных палат регионов и общественных советов при ведомствах. И хотя это скорее имитация гражданского участия, тем не менее данные социальные институты можно воспринимать как каналы, пусть и слабые, связи населения и власти.

5. Сложившаяся на сегодняшний день общественно-политическая повестка в стране способствовала оттеснению на периферию общественного пространства правозащитных организаций. Гражданская активность уходит из политической сферы в социальную плоскость.

6. В настоящее время в Северо-Кавказском регионе активно проявляет себя феномен волонтерства. У людей, особенно молодежи, социально одобряемым поведением становится безвозмездная помощь нуждающимся в ней.

7. Социальные сети являются не только важными каналами коммуникаций, но и средствами формирования общественного мнения и смыслов. Они способствуют образованию широких горизонтальных связей, дающих возможность проявлять гражданское участие.

Безусловно, у каждого региона свои особенности, своя история становления гражданского общества и взаимоотношения некоммерческого сектора с населением, властью, бизнесом и СМИ, может быть даже в чем-то своя, специфичная гражданская культура. Именно поэтому при анализе слабых и сильных сторон того или иного региона в целях формирования управленческих решений предпочтительно использовать системный подход, учитывающий необходимость наращивания усилий по продвижению «третьего сектора», а также развитию культуры гражданского взаимодействия.

Государство предприняло в последние годы ряд шагов по созданию благоприятных правовых и социально-экономических условий деятельности НКО. Однако они недостаточны, нужна более развитая законодательная база, гарантирующая успешное развитие НКО в наиболее социально значимых сферах (защита прав потребителей государственных и муниципальных услуг, прав граждан в сфере образования, здравоохранения и т. д.). В качестве организационно-правовых мер необходимо отметить и то, что с учетом сложившейся сети НКО и практики их деятельности стране нужна целевая программа развития НКО, которая должна быть представлена на федеральном, республиканском и особенно местном уровнях.

Государство в качестве субъекта играет существенную роль в процессе развития гражданского общества, создавая условия для его эффективного функционирования, разрабатывая законодательную базу для защиты социальных институтов от посягательства самого государства на основы демократии. То есть процесс формирования стабильного гражданского общества должен быть обоюдным: государство дает возможности и охраняет, общество осознает ответственность и может консолидироваться для решения насущных проблем, не боясь репрессий со стороны государства.

Список источников

1. Гражданское общество современной России : Социологические зарисовки с натуры / Под редакцией Е. С. Петренко. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. – 392 с. – Текст : непосредственный.
2. Муртазалиев, А. М. Организационно-правовые проблемы развития институтов гражданского общества в Дагестане / А. М. Муртазалиев. – Текст : непосредственный // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 11–17.
3. Ховард, М. М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе / М. М. Ховард ; перевод с английского И. Е. Кокарева. – Москва : Аспект Пресс, 2009. – 190 с. – Перевод изд.: The weakness of civil society in post-communist Europe / Marc Morjé Howard. New York, 2003. – Текст : непосредственный.

4. Витюк, В. В. Становление идеи гражданского общества и ее историческая эволюция / В. В. Витюк ; Российская академия наук, Институт социологии. – Москва : Институт социологии, 1995. – 91 с. – Текст : непосредственный.
5. Резник, Ю. М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Часть 2. Теоретико-методологические исследования / Ю. М. Резник. – Москва : Союз, 1998. – 560 с. – Текст : непосредственный.
6. Соловьев, А. И. Три облика государства — три стратегии гражданского общества / А. И. Соловьев. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 6. – С. 29–38.
7. Володин, А. Г. Гражданское общество и модернизация в России (Истоки и современная проблематика) / А. Г. Володин. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2000. – № 3. – С. 104–116.
8. Российская Федерация. Законы. О некоммерческих организациях : Федеральный закон № 7-ФЗ : [принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года]. – Москва, 1996. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824. – Текст : электронный.
9. Лежебоков, А. А. Состояние некоммерческого сектора Карачаево-Черкесской Республики / А. А. Лежебоков, Ф. Х. Куршева. – DOI 10.53598/2410-3691-2021-4-289-55-63. – Текст : непосредственный // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». – 2021. – Вып. 4 (289). – С. 55–63.
10. В Минюсте отметили уменьшение числа некоммерческих организаций в РФ за три года. – Текст : электронный // ТАСС : сайт. – 2020. – 31 мар. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/8125469>.
11. Реестр некоммерческих организаций. – Текст : электронный // Министерство юстиции Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij>.
12. Атласкиров, А. Р. Некоммерческие организации в Кабардино-Балкарской Республике : динамика развития и структура / А. Р. Атласкиров. – Текст : электронный // Социодинамика. – 2018. – № 5. – С. 36–43. – URL: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.5.26196>.
13. Мерсиянова, И. В. Социальная база российского гражданского общества / И. В. Мерсиянова. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2009. – № 4. – С. 35–46.
14. Республика Северная Осетия — Алания в цифрах, 2021 : краткий статистический сборник / Управление федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу (Северо-Кавказстат). – Владикавказ, 2021. – 145 с. – Текст : непосредственный.
15. RAEX.НКО : сайт. – URL: <https://raex-nko.ru>. – Текст : электронный.
16. Рывкина, Р. В. Социология российских реформ / Р. В. Рывкина. – Москва : ГУ ВШЭ. – 2004. – 438 с. – Текст : непосредственный.
17. Ганин, О. Н. Понятие «Гражданское общество» : Сущность и содержание / О. Н. Ганин. – Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 2. – С. 93–94.

18. Гадиева, А. Н. Гражданское общество в Республике Северная Осетия — Алания через призму экспертного опроса / А. Н. Гадиева, Ж. И. Урусова. — Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. — № 12–1. — С. 151–154.

19. Третьи декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Вызовы пандемии, парламентские выборы и стратегическая повестка дня для общества и государства : материалы научно-практической конференции (Москва, 24 декабря 2021 г.) / Ответственный редактор В. К. Левашов ; ФНИСЦ РАН. — DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-391-1.2022. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 193 с.

References

1. Petrenko, E. S. (Ed.) (2008). *Grazhdanskoe obshchestvo sovremennoy Rossii: Sotsiologicheskie zarisovki s natury*. Moscow, Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie" Publ., 392 p. (In Russian).
2. Murtazaliev, A. M. (2010). Organizatsionno-pravovye problemy razvitiya institutov grazhdanskogo obshchestva v Dagestane. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*, (2), pp. 11-17. (In Russian).
3. Howard, M. M. (2003). *The weakness of civil society in post-communist Europe*. New York, Cambridge University Press, 222 p. (In English). DOI: 10.1017/CBO9780511840012
4. Vityuk, V. V. (1995). *Stanovlenie idei grazhdanskogo obshchestva i ee istoricheskaya evolyutsiya*. Moscow, Institut sotsiologii Publ., 91 p. (In Russian).
5. Reznik, Yu. M. (1998). *Grazhdanskoe obshchestvo kak fenomen tsivilizatsii. Chast' 2. Teoretiko-metodologicheskie issledovaniya*. Moscow, Soyuz Publ., 560 p. (In Russian).
6. Solovyov, A. I. (1996). Three aspects of the state - three strategies of civil society. *Polis. Political studies*, (6), pp. 29-38. (In Russian).
7. Volodin, A. G. (2000). Civil society and modernization in Russia (Origins and present-day problems). *Polis. Political studies*, (3), pp. 104-116. (In Russian).
8. Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. O nekommercheskikh organizatsiyakh: Federal'nyy zakon No 7-FZ. (In Russian). Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824
9. Lezhebokov, A. A., & Kursheva, F. Kh. (2021). The state of the non-profit sector of the Karachay-Cherkess Republic. *Bulletin of the Adyghe State University. Series "Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies"*, (4(289)), pp. 55-63. (In Russian). DOI: 10.53598/2410-3691-2021-4-289-55-6310
10. V Minyuste otmetili umen'shenie chisla nekommercheskikh organizatsiy v RF za tri goda. (In Russian). Available at: <https://tass.ru/obshchestvo/8125469>
11. Reestr nekommercheskikh organizatsiy. (In Russian). Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskikh-organizatsiy/>
12. Atlaskirov, A. R. (2018). Nekommercheskie organizatsii v Kabardino-Balkarskoy respublike: dinamika razvitiya i struktura. *Sociodynamics*, (5), pp. 36-43 p. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.5.26196>

13. Mersiyanova, I. V. (2009). Sotsial'naya baza rossiyskogo grazhdanskogo obshchestva. Social sciences and contemporary world, (4), pp. 35-46 p. (In Russian).
14. Respublika Severnaya Osetiya - Alaniya v tsifrah, 2021: kratkiy statisticheskiy sbornik (2021). Vladikavkaz, 145 p. (In Russian).
15. RAEX.HKO (In Russian). Available at: <https://raex-nko.ru>
16. Ryvkina, R. V. (2004). Sotsiologiya rossiyskikh reform. Moscow, HSE Publ., 438 p. (In Russian).
17. Ganin, O. N. (2005). Ponyatie "Grazhdanskoe obshchestvo": Sushchnost' i sodержanie. Fundamental Research, (2), pp. 93-94 p. (In Russian).
18. Gadieva, A. N., & Urusova, Zh. I. (2014). Civil society in North Ossetia in the light of the expert interview. Humanities, Social-Economic and Social Sciences, (12-1), pp. 151-155. (In Russian).
19. Levashov, V. K. (Ed) (2022). Tret'i dekabr'skie sotsial'no-politicheskie chteniya "Kak zhivesh', Rossiya?". Vyzovy pandemii, parlamentskie vybory i strategicheskaya povestka dnya dlya obshchestva i gosudarstva: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Moscow, FNISTS RAN Publ., pp. 193. (In Russian). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-391-1.2022

Информация об авторах / Information about the authors

Гадиева Анета Николаевна, ведущий научный сотрудник Центра исследования приграничных регионов юга России, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва; старший научный сотрудник, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева, филиал Владикавказского научного центра РАН, г. Владикавказ, izmir-alana@rambler.ru

Вершинин Иван Сергеевич, соискатель ученой степени кандидата наук, кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Aneta N. Gadieva, Leading Researcher of the Center for the Study of Border Regions in the South of Russia, Institute of Socio-Political Research - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Senior Researcher, V. I. Abayev North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies, a branch of Vladikavkaz Scientific Centre of RAS, Vladikavkaz, izmir-alana@rambler.ru

Ivan S. Vershinin, Applicant Candidate of Science Degree, Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 12.10.2023; одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 30.10.2023.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 30.10.2023.